

A young girl with long, wavy brown hair is shown in profile, looking out of a window. She is wearing a red dress with a white lace collar. The background is a blurred interior with a wooden chair and a table. The lighting is soft and natural, suggesting a window view.

Ирина Чубас

**Закат
на
грязных
коленках**

Ирина Чубас

Закат на грязных коленках

<https://litres.ru/73992401>

SelfPub; 2026

Аннотация

«У тебя нет слуха. Ты никогда не будешь певицей».

Лара услышала это в шесть лет. Но петь не перестала — просто спрятала голос куда-то внутрь, где его не слышали чужие уши.

В пять лет она увидела женщину в красном платье и захотела так же. В двенадцать вышла на школьную сцену в роли горничной, которая вечно роняет блюдце. И уронила его в самую тихую секунду спектакля.

Блюдце не разбилось.

С этого момента Лара поняла: сцена — это не про голос. Это про паузу, в которую помещается целая жизнь. А голос — просто один из инструментов. И даже если он «неправильный», он может заставить зал замереть.

Она мечтала стать звездой. А стала актрисой, на которую ходят. Потому что иногда мечта не исполняется — она сбывается иначе. На грязных коленках. В пустом ДК имени Гагарина. Босиком на старой сцене, где уже никогда не будет спектаклей, но всё ещё висит эхо её детской песни.

Повесть о девочке, у которой не было слуха — но была сцена.

Ирина Чубас

Закат на грязных коленках

Закат на грязных коленках

I

Она впервые увидела настоящую сцену в пять лет — в Доме культуры имени Гагарина, куда бабушка привела её на репетицию местного ансамбля. Половицы пахли мастикой и пылью, кулисы были сшиты из старых бархатных штор, которые когда-то висели в чьей-то богатой квартире. А под самым потолком висела единственная софита с пожелтевшим отражателем. Зеркальный шар не работал, поэтому какая-то девушка вышла на середину зала с фонариком и стала медленно водить им по стенам — и вот тогда из темноты выступила женщина в красном платье.

Свет скользнул по её плечам, по высокому вороту, по длинным рукавам, которые она откинула назад, как крылья. — Спой, — сказал кто-то из темноты.

Женщина улыбнулась — одними глазами — и запела низко, почти шёпотом, так что первые слова нельзя было разобрать, и только потом голос поднялся, как будто кто-то разворачивал бархатную ленту всё выше и выше. Потолок ДК уходил куда-то вверх, в темноту, и звук не упирался в бетон, а таял, растекался, оседал на лицах людей, которые замерли, даже те, кто пришёл просто посидеть на скамейке и поковы-

рять ногтем облупившуюся краску.

Лара (так звали девочку — Лариса, но для всех Лара) за-
была дышать.

Четыре пальца вцепились в бабушкину юбку. Пятый —
оттопыренный, так она всегда держалась за что-то важное —
остался в воздухе.

Женщина в красном взяла последнюю ноту. Не высокую
— нет, ту, что висит на грани тишины, когда кажется, что
звук уже кончился, а он ещё жив, ещё дрожит где-то в рёб-
рах.

— Хочу так, — сказала Лара потом, когда женщина уже
ушла за кулисы, занавески ещё шевелились, а старушки в
первом ряду складывали стулья. — Хочу так же.

Бабушка вздохнула. Вздох этот был долгим, из тех, что
собираются внутри как чугунная плита, а выходят вместе с
усталостью за много лет. Бабушка работала на почте, носила
тяжёлые сумки с пенсиями, и к вечеру у неё всегда болела
поясница.

— Ну, — сказала бабушка. — Пойдём домой. Макароны
стынут.

Лара не слышала про макароны. Она смотрела туда, где за
бархатом всё ещё висело эхо. Ей казалось, если прислушать-
ся, можно разобрать последние слова той песни, но слов она
не знала, только мелодию, которая влезла под кожу и застря-
ла где-то между лопатками.

Бабушка потянула её за руку.

— Пошли, звезда моя нерождённая.

Это слово — «звезда» — тогда ничего не значило. Просто бабушкина ласка, как «зайка» или «солнышко». Но Лара запомнила.

В шесть лет мама записала её в музыкальную школу — потому что Лара пела везде: в ванной, за столом, на остановке, пока ждали автобус. Она пела даже во сне, мать говорила: «Лежишь, губами шевелишь, и то ли слова, то ли просто звуки».

Педагог по вокалу оказалась маленькой сухой женщиной с руками как плети. Звали её Тамара Степановна, и ученики боялись её так, что на уроках мочились в штаны — это не шутка, один мальчик из подготовительной группы так и сделал, после чего Тамара Степановна заставила его самого вытирать пол.

— Резонаторы не там, — сказала она на первом же уроке и ткнула Лару пальцем под рёбра. — Дыши сюда. Нет, не животом. Живот — это не диафрагма. Ты вообще ничего не понимаешь?

Лара стояла у чёрного пианино, смотрела на клавиши, которых было так много, что они сливались в одну лестницу, и чувствовала — живот, рёбра, горло, всё, что ей сказали — как чужое. Она дышала правильно ровно до тех пор, пока Тамара Степановна не сказала «дыши правильно». Сразу же всё сбилось.

— Попробуй ещё раз.

Она попробовала. Звук вышел тонким, дрожащим, похожим на проволоку, которую тянут через силу, но вот-вот она порвётся.

Тамара Степановна закрыла крышку пианино.

— У тебя нет слуха, — сказала она спокойно, как о погоде. — Есть музыкальная память. Ты запоминаешь, как должно звучать, но не слышишь себя. Это не лечится. Ты никогда не будешь певицей. Даже в хоре будешь фальшивить.

Лара смотрела на её сухие пальцы, которые лежали на крышке инструмента. Белые, без колец, с квадратными ногтями.

— Но я люблю петь, — сказала Лара.

— Любить и уметь — разные вещи, — ответила Тамара Степановна и открыла журнал, чтобы поставить двойку. — Иди. Следующий.

Дома Лара залезла под кровать — пыльный, тёмный, пахнувший старыми носками и забытыми игрушками — и просидела там до тех пор, пока мать не позвала ужинать. Под кроватью было маленькое королевство: фантики, которые она копила с пяти лет, одна пластмассовая серёжка, потерянная мамой, и книжка про Золушку без обложки.

За столом никто ничего не спросил.

Отец резал хлеб крупными квадратами — он всегда резал хлеб так, будто рубил дрова, — мать наливала суп, бабушка двигала стаканы. По телевизору показывали чей-то юбилей: женщина в блестящем платье принимала цветы, у неё были

такие же квадратные ногти, как у Тамары Степановны.

— Ну как? — спросила мать, не поднимая глаз.

Лара посмотрела в тарелку. Гороховый суп, в котором плавали кусочки копчёностей, которые она терпеть не могла.

— Нормально, — сказала Лара.

Ложка звякнула о край тарелки.

Отец поднял голову, посмотрел на дочь — на её опущенные плечи, на то, как она водит ложкой по кругу, не начиная есть — и открыл было рот. Но мать так быстро на него взглянула, что он закрыл его обратно.

Лара доела суп, выскребла тарелку до дна, убрала за собой. В коридоре она остановилась у зеркала.

«Ты никогда не будешь певицей» звенело эхом в ушах.

Она посмотрела на свои руки. Длинные, гибкие, с почти прозрачной кожей.

«Ну и ладно», — сказала она себе. Но внутри что-то щёлкнуло, как замок, который захлопнули и выбросили ключ.

II

В семь лет она придумала себе танец. Не для выступления, а для того, чтобы, когда никто не видит, подойти к зеркалу в коридоре и сделать одно движение: руки вверх, голову откинуть, ладони раскрыть.

В зеркале отражалась худая девочка с торчащими ключицами, короткими хвостиками и носочком правой ноги, повернутым внутрь. Она была некрасивой — она это знала. Слишком длинная шея, слишком бледная кожа, волосы цве-

та пыли. Но если смотреть не на лицо, а на руки — они были красивыми. Длинные пальцы, гибкие запястья, кожа почти прозрачная, как у бабушкиной подруги тёти Зины, которая умерла в прошлом году от рака, и перед смертью у неё стала такая же прозрачная кожа.

— Звезда, — шептала Лара своему отражению. — Ты звезда. Ты можешь всё.

Отец однажды застал её за этим занятием, когда зашёл за зарядкой для телефона. Он остановился на пороге, посмотрел — не зло, не насмешливо, просто очень долго, как смотрят на чужую фотографию, пытаясь узнать человека. Лара замерла с поднятыми руками. В коридоре горела только тусклая лампочка без абажура, и свет падал так, что тень от её рук легла на стену огромными птичьими крыльями.

— Ужин готов, — сказал отец.

И ушёл.

Лара опустила руки. Птичьи крылья на стене исчезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.